

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЗНАНИИ, МУДРОСТИ И ТВОРЧЕСТВЕ В СВЯЩЕННОМ ПИСАНИИ

ЗРУИ МАЛОЯН

Кандидат психологических наук

доцент ЕГАХ

Первые упоминания о творческой деятельности уводят в глубокую древность. Не углубляясь в необъятную сферу древних верований, отметим, что уже в древних языческих мифологиях творческому процессу причастны сверхъестественные сущности – демиурги, которые лепят людей из глины, куют небесные светила в кузнице, либо порождают природные стихии, явления, новых богов и героев в любовном союзе. «Лишь на сравнительно позднем этапе развития мифологического сознания возникает творение с помощью мысли и слова, так называемое творение “из ничего” Так в египетской мифологии бог Птах творит мир только “сердцем и языком”, просто называя предметы. Таков же и древнееврейский бог Яхве», – пишет Д.М. Угринович, далее поясняя: «Эволюция мифических образов первопредков-демиургов выражает одну сторону развития мифологии, которую можно назвать религиозной»¹.

Монотеистическая концепция иудаизма (а затем и христианства и несколько позже – ислама), изложенная в Ветхом Завете базируется на первом акте творения: создании Богом–Творцом всего сущего и самого человека. «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их»² Следовательно, если исходить из положения о том, что человек был создан «по образу и подобию», то логично предположить, что и способность к творчеству человек получил как своеобразную проекцию соответствующих божественных свойств.

В современной науке принято считать, что познавательный интерес является мощным мотивирующим фактором интеллектуальной деятельности, особенно – научного творчества. Однако, первое же отмеченное в тексте Писания проявление познавательного интереса человека представлено как трагическая ошибка: «И увидела жена, что дерево хорошо для пищи и что оно приятно для глаза и вожделенно, потому, что дает знание; и взяла плодов его и

¹ Угринович Д.М. Искусство и религия (Теорет. очерк). –М.: Политиздат, 1983. с 89

² Бытие. гл 1 стих. 27

ела; и дала также мужу своему и он ел»³. То есть, первое проявление познавательного интереса, а заодно и личной инициативы, (столь необходимой для творчества и развития человека) приводит к всечеловеческой катастрофе, а именно: к грехопадению.

Из ветхозаветных текстов можно привести немало примеров тому, что знания, интеллектуальное познание, даже просто попытки понимания происходящего ставятся много ниже безоглядной веры и послушания, то есть фактически ценность научного познания, интеллектуального творчества для авторов Ветхого Завета весьма сомнительна. А проявление познавательного интереса (которое маркируется как неуместное и непочтительное любопытство) немедленно карается, вспомним превратившуюся в соляной столп жену Лота.

Но есть и противоположные свидетельства, из которых следует, что знание, ученость ценились чрезвычайно высоко, так в главах 37, 38 и 39 книги Иова Бог задает Иову вопросы (надо сказать, что эти вопросы риторические, поскольку заведомо ясно, что у Иова нет ответов) именно о границах его возможностей и знаний: «Нисходил ли ты во глубину моря, и входил ли в исследование бездны... Обозрел ли ты широту земли? Объясни, если знаешь все это»⁴.

На первый взгляд, очевидно противоречие, которое становится понятным и даже снимается, если обратить внимание, на волевой аспект приведенных примеров. Познавательная активность карается, лишь в тех случаях, когда она изначально не санкционирована свыше, когда она является проявлением своеволия человека. Когда санкция испрошена и получена, приобретение знаний и познавательный интерес скорее приветствуется. В той же главе книги Иова читаем «Кто вложил мудрость в сердце, или кто дал смысл разуму?». Тут необходимо добавить, что очевидно, познавательный интерес, приобретение знаний, исследовательская активность в древности принципиально не различались от мудрости.

Иными словами, знания и мудрость испрашиваются у Бога и могут быть получены лишь от него. Так царь Соломон, испросил у Бога мудрость, «И сказал ему Бог: за то что ты просил этого, и не просил себе долгой жизни, не просил себе богатства, не просил себе душ врагов твоих, но просил себе разума, чтобы уметь судить, Вот я сделаю по слову твоему.»⁵. В отрывке явно указано, на то, что Бог поощряет стремление к мудрости и знанию, в ответ на такую просьбу царь получил еще и богатство, славу, долгую жизнь.

³ Бытие. гл 3 стих. 6

⁴ Иов. гл. 38 стих 16, 18

⁵ 3-я Царств гл. 3, стих 9 – 13; гл 4 стих 29-31

Ветхозаветный текст сохранил уникальный пример проявления мудрости Соломона, когда он судит дело двух женщин о младенце⁶. Как известно, в спорном случае, когда две женщины объявили свое право на ребенка Соломон приказал разрубить его и отдать каждой по половине, тогда мать ребенка отказалась от него в пользу соперницы и тем самым убедила судью в истинности своих притязаний. По сути, царь поставил психологический эксперимент, жестокий, на сегодняшний взгляд, но необычайно эффективный. При этом он предвосхитил результат, что свидетельствует о его тонком понимании эмоций и мотивов спорящих женщин.

О том, что к мудрости и знаниям следует стремиться, и о Боге, как их единственном источнике, прямо сказано в книге Притчей Соломона. Царь наставляет сына:

«Если будешь призывать знание и взывать к разуму;
Если будешь искать его как серебра и отыскивать его как сокровище
То уразумеешь страх Господень и найдешь познание о Боге
Ибо Господь дает мудрость; из уст Его знание и разум;»⁷

Однако и прямо противоположная позиция также имеет место в Ветхом Завете. Так, неоднократно говорится о тщетности познания, но, пожалуй, Книга Екклесиаста является самым концентрированным антипознавательным текстом, где обесценивается само стремление реализовать познавательные способности, проявить инициативу в овладении знаниями. Отметим, что в отличие от агностицизма, отрицающего саму возможность познания, Екклесиаст, такую возможность в принципе не отрицает, но обесценивает.

«Говорил я с сердцем моим так: вот я возвеличился и приобрел мудрости больше всех, которые были прежде меня над Иерусалимом, и сердце мое видело много мудрости и знания.

И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость; узнал, что и это томление духа.

Потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь»⁸.

Здесь следует обратить внимание на то, что согласно автору приведенных

⁶ 3-я Царств гл. 3, стих 16- 28

⁷ Притчи Соломоновы. гл.2 стих 3-6

⁸ Екклесиаст. гл 1, стих 16, 17, 18

стихов, приобретение им мудрости и знаний происходит параллельно с «возвеличиванием». То есть познание либо приводит к осуществлению социальных амбиций, либо сопровождается повышением статуса.

О причинах скепсиса Екклесиаста исходя из текста, судить не возможно, вероятно, что он связан с осознанием тщеты достижения социальной цели, обретении власти, с обостренным ощущением кратковременности земной жизни, а вовсе не разочаровании в знаниях и учености.

То же что сказано выше о познавательной мотивации, поиске знания, проявлении надситуативной активности личности, может быть отнесено к художественному и техническому творчеству. Здесь также от человека, прежде всего требуется точное исполнение воли Бога, а не проявление собственной инициативы. Примеров тому не мало. Прежде всего, следует упомянуть подробные указания свыше, следуя которым Ной построил ковчег⁹. Еще конкретнее указания, данные Моисею о постройке святилища - скинии. Не забыто ничего, вплоть до мельчайших украшений и узора орнамента, между прочим, здесь впервые упоминаются произведения искусства: литые из золота изваяния херувимов.¹⁰ Лишь гораздо позже, в 3-ей книге Царств, находим столь же конкретные и подробные описания произведений искусства и архитектуры: речь идет о строительстве Соломоном дома Господня (то есть - храма) и затем – царского дворца. Здесь опять встречаются упоминания о статуях херувимов, выполненных для храма (на этот раз они больших размеров, высотой «10 локтей»), об украшении дворца, на стенах которого «изображены были львы, волы и херувимы», а так же растительный узор из пальм и гранатов. Во всех случаях скрупулезно указан материал (драгоценные металлы, золото, конкретные породы дерева, камня), из которого выполнены все элементы декора, а также его количество. Примечательно, что ценность произведений определяется, прежде всего высокой стоимостью материалов, об эстетическом впечатлении, или уровне художественного мастерства в тексте ничего не сказано.

В тех же главах, где упоминается собственное, не вдохновенное и не санкционированное свыше художественное творчество, оно дискредитируется, вызывает божественный гнев и карается, в качестве примера можно упомянуть создание золотого тельца, «истукана»¹¹. В обоих случаях эти творения появились по собственной инициативе людей, в то время, когда они не были сопри-

⁹ Бытие, гл 6, стих 14- 16

¹⁰ Исход, гл 25

¹¹ Исход, гл 32 ст 3-6, «истукана»³⁰ Судей, гл 17, ст 4

частны к вдохновляющему их разуму. Их создание в той или иной мере нуждается в объяснении и «оправдании». Так создание «истукана» объясняется тем, что: «В те дни не было царя у Израиля: каждый делал то, что казалось ему справедливым».

Несколько иным было отношение к музыке, она неизменно сопровождала религиозные ритуалы, торжественные мероприятия. В тексте четко предписано какие и с какой целью надлежит использовать инструменты, каким голосом исполнять вокальные партии¹². Однако авторам текста была хорошо известна и терапевтическая роль музыки: царю Саулу, видимо подверженному жестоким приступам неизвестного психического недуга, был приставлен молодой музыкант – будущий царь Давид, игра которого оказывала на него благотворное действие: «И когда дух от Бога бывал на Сауле, то Давид, взяв гусли, играл, - и отраднее и лучше становилось Саулу, и дух злой отступал от него».¹³ Очевидно, музыка могла как-то приблизить человека к Богу, подтверждение чему находим в предании о пророке Елисея: «И когда гуслист играл на гусях, тогда рука Господня коснулась Елисея»¹⁴.

Можно заметить, что отношение авторов ветхозаветных текстов к творчеству довольно прагматично, оно неизменно апеллирует к цели, лежащей за пределами самого творческого процесса. Произведения художественного творчества принимаются или отвергаются в зависимости от того, какой цели они служат. В одном случае они санкционированы свыше, в другом - являются плодом заблуждения (в лучшем случае) и признаком отхода от заветов Бога. О художественной ценности произведения искусства и в том и в другом случае речь не идет, и уж конечно, в ту эпоху никому не могло придти в голову, создавать какой либо артефакт в акте творческого самовыражения, в процессе самоактуализации внутренних эстетических потребностей.

В Новом Завете, (как и в Ветхом), мы не найдем прямых указаний, которые четко обозначают христианскую позицию относительно научного и художественного творчества. Приходится довольствоваться отдельными высказываниями, которые в той или иной мере выражают отношение Евангелистов и основателей христианства к творчеству и познанию. Отсутствие четких и ясных указаний и поныне дает простор для толкований. Именно в этом причина

¹² 1-я Паралипоменон, гл. 15, ст 16-22

¹³ 1-я Царств, гл. 16, ст 23

¹⁴ 4-я Царств, гл 4, ст 15

противоречивого, а зачастую и диаметрально противоположного отношения к творчеству со стороны различных ветвей христианства.

В Нагорной проповеди Христос говорил о 9 блаженствах, здесь после «нищих духом», «плачущих» и «кротких», упоминаются, «алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся»¹⁵, разумеется, толкования могут быть различны и, разумеется, прежде всего имеется в виду «правда» в религиозном, теологическом смысле. Однако и в этом контексте, налицо божественная санкция на познавательную активность человека, причем характеристики «алчущие и жаждущие» предполагают наличие сильной мотивации, глубокую эмоциональную вовлеченность.

Такой пример далеко не единичный: познание, или «мудрость» достигается настойчивым собственным усилием самого человека, но в то же время она дается Богом. Это встречный процесс. В евангельских текстах, в том числе и апокрифических, не трудно найти подтверждение этому, так, первое же изречение Евангелия от Фомы предписывает: «Пусть тот, кто ищет, не перестает искать до тех пор, пока не найдет»¹⁶. Понятно, что речь идет о поиске духовных истин, но ведь и этот поиск является проявлением познавательного интереса, и в этом смысле нет оснований проводить демаркационную линию, между духовным и научным знанием. Напомню, что в данном контексте нас интересуют лишь высказывания авторов новозаветных текстов относительно познавательной творческой инициативы человека.

Судя по ряду изречений, познавательная активность в новозаветными авторами приветствуется, однако не трудно заметить, что мудрость все же не столько добывается, сколько дается. Напрашивается вывод, что, проявление человеком настойчивой познавательной активности является тем предварительным условием, своеобразным «сигналом» в ответ на который он получает свыше мудрость и/или знания.

Авторы Евангелий вполне однозначно высказываются об этом: «Ибо я дам вам в уста премудрость, которой не смогут противоречить», «Говорящий сам от себя ищет славы себе; а кто ищет славы Пославшему Его, тот истинен, и нет неправды в Нем», «И познаете истину и истина сделает вас свободными»¹⁷.

Наиболее последовательно христианский подход к творчеству и творче-

¹⁵ Матф, гл 5

¹⁶ Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии. М.: Мысль, 1989. с.250

¹⁷ Лука.. гл 21 ст.15, Иоанн, гл 7 ст 18, гл 8 ст 32

ским способностям человека изложен апостолом Павлом в Посланиях¹⁸. Творческие способности в соответствии с духом и логикой текста рассматриваются как «дары», которыми Бог оделил человека. Приведем отрывок, целиком посвященный дарам духовным.

Дары различны, но Дух один и тот же;
И служения различны, а господь один и тот же;
И действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех.
Но каждому дается проявление Духа на пользу:
Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания тем же Духом;
Иному вера тем же Духом; иному дары исцелений, тем же духом;
Иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков
Все же сие производит один и тот же дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно.

На первый взгляд, творчество, как способность и акт созидания в перечень даров не входит. Однако более подробный анализ, приводит к пониманию религиозного, христианского подхода к творчеству.

Во-первых, здесь Павел ясно указывает на то, что «слово мудрости» и «слово знания» даются человеку Духом, при этом автор, в отличие от выше-приведенных ветхозаветных текстов четко отделяет одно от другого. Даже вера, как ни удивительно, достигается не самим человеком, а является «даром Духа», таким образом, рассуждая логически, «верующий» уже «одаренный». Даром Духа по Павлу являются и языковые способности, не говоря уж о чудотворении, пророчестве, исцелении. Здесь также следует отметить очевидную разницу между Ветхим и Новым заветами, если в первом знания, мудрость и творческая деятельность происходила при прямой санкции Бога, то во втором очевидно, передача различных «даров» происходит при посредничестве Святого Духа.

Самым загадочным пунктом в этом перечне является дар «истолкования языков». Ведь если понимать его в узком, чисто лингвистическом смысле, то этот пункт излишен, так как дар «разных языков» уже подразумевает владение этими языками и способность к переводу с одного на другой. Есть основания

¹⁸ 1-е Коринфянам, гл 12, ст 4- 11

полагать, что именно здесь и говорится о творчестве, о том, что сегодня подразумевается под понятием «творческие способности». Ведь язык, как целостная семантическая система может быть не только вербальным, сегодня в научной, в частности, искусствоведческой литературе стало обычным говорить о «языке живописи», «языке танца», «языке искусства» и т.д., привычны это словосочетания и в обиходе, и в журналистике.

Действительно, если как было показано выше, художественное творчество нуждается в санкции свыше, то для исполнения божественной воли, необходимо, прежде всего открытое для нее восприятие, понимание, а главное, правильный «перевод», воспроизведение в какой-либо языковой системе, то есть истолкование. Эта способность по Павлу является даром Духа. Дар «истолкования», как и остальные дается свыше, но требует встречных собственных усилий человека, об этом говорит Павел в последнем стихе той же главы: «Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший». Призыв апостола преумножать дары прямо перекликается с другими новозаветными текстами, в этой связи уместно вспомнить притчу о «талантах»¹⁹, которые не следует зарывать в землю.

Естественно, прежде всего, христианский подход к творчеству, предполагающий санкции определенного рода, принцип «стяжания благодати», проявлялся в религиозном, духовном искусстве. Строго говоря, исходя из этого подхода никакого другого искусства, кроме религиозного изначально не предусматривалось. Создание предметов прикладного искусства, предназначенных к украшению повседневной жизни и обслуживанию нужд культа, однозначно относилось к ремеслам, но изобразительные искусства по существу выполняли ту же прикладную функцию, прежде всего картины и фрески писались для церквей, для удовлетворения потребностей культа, разумеется, речь идет об институционализированном, обладавшем государственным статусом, христианстве, а не о ранних христианских общинах.

Уже к V веку, то есть в самом начале распространения и утверждения христианства в основных чертах был выработан канон, который в основных чертах определял религиозное искусство вплоть до Возрождения, а в православном искусстве – до начала XX. В религиозном искусстве окончательно сформировалось представление о боговдохновенности художественного творчества, в котором человеку была отведена роль своеобразного транслятора, переводящего послания свыше на доступный созерцанию изобразительный язык.

¹⁹ Матф, гл. 25

Известный православный богослов священник Павел Флоренский (1882-1943) посвятил религиозному искусству свой теоретический труд «Иконостас», где он последовательно и логично в рамках принятой христианской концепции обосновывает необходимость канона в художественном творчестве. Как и ученые психоаналитической школы, он проводит аналогию между сном и творчеством. Однако, в отличие от психологов, он не считает, что сон является лишь феноменом психики человека, для Флоренского сон является свидетельством мира невидимого: «Сновидение есть знаменованье перехода от одной сферы в другую и символ. Чего? – из горнего – символ дольнего, и из дольнего – символ горнего». Точно также и в художественном творчестве «душа восторгается из дольнего мира и восходит в мир горний. Там без образов она питается созерцанием сущности горнего мира, осязает вечные ноумены вещей и, напитавшись, обремененная ведением, нисходит вновь в мир дольний. И тут при этом пути вниз, на границе вхождение в дольнее, ее духовное стяжание облекается в символические образы – те самые, которые, будучи закреплены, дают художественное произведение. Ибо художество есть оплотневшее сновидение».²⁰

Тем самым, Флоренский обосновывает имманентно присущий религиозному искусству символизм, поскольку только на языке символов можно передать иномирность религиозных образов. Необходимо также отметить важнейший аспект такого подхода: специальную «одаренность», способность к видению, которое «является не тогда, когда мы силимся собственным усилием превзойти данную нам меру духовного роста и выйти за пределы доступного нам, а когда таинственно и непостижимо наша душа уже побывала в ином невидимом мире, вознесенная туда самими горними силами».

²⁰ П.А.Флоренский. Иконостас / Богословские труды сб. 9, М.; Издание Московской Патриархии. 1972, с. 83 -148

**ԳԻՏԵԼԻՔՆԵՐԻ, ԻՄԱՍՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ՍՏԵՂԾԱԳՈՐԾՈՒՆԵՈՒԹՅԱՆ
ԳԱՂԱՓԱՐՆԵՐԻ ՊԱՏԿԵՐԱՑՈՒՄԸ ԱՍՏՎԱԾԱՇՆՉԻ ՄԵՋ**

ՉԱՐՈՒՆԻ ՄԱԼՈՅԱՆ

Նոգեբանական գիտ. թեկնածու, ԵԳՊԱ դոցենտ

Նորվածում քննարկվում են «գիտելիք», «իմաստություն» եւ «ստեղծագործություն» հասկացությունները Նին ու Նոր Կտակարանների տեքստերում: Վերլուծվում է նրանց ընկալման տարբերությունը: Նորվածի հիմնախնդիրն է դարձել, թե որքանով է ըստ Աստվածաշնչի կարեւորվում եւ խրախուսվում մարդու ստեղծագործական եւ ճանաչողական գործունեությունը: Վերլուծությունը թույլ է տալիս գալ այն եզրակացության, որ ինքնուրույն ստեղծագործական եւ ճանաչողական ակտիվությունը խրախուսվում է միայն որոշակիորեն ի վերուստ ստացված շնորհի կամ թույլտվության դարագայում:

**THE IDEA OF KNOWLEDGE, WISDOM AND CREATIVITY IN THE
HOLY SCRIPTURES**

ZAROUHI MALOYAN

PhD in Psychology, professor of YSAFA

The article deals with concepts such as "knowledge", "wisdom" and "creativity" in the texts of the Old and New Testament. We analyze the difference in their perception. The essential point of the article is to identify the degree of evaluation and promotion of creative and human cognitive activity in the biblical texts. The analysis allows concluding that the creative and cognitive activity is approved only after receiving special authorization or grace from above.